

Честер был раздражен. С ребенком, очевидно, все в порядке: кто на него ни посмотрел бы, не находил никаких ран. Было вполне естественно, что Веразель бросилась заслонять его всем телом.

«Она даже не подумала о себе. Она беспокоилась только о ребенке. Не знаю, почему я так зол».

— Я? Я в порядке, конечно, — глядя на него, Лизель моргнула круглыми от удивления глазами.

«Почему он вдруг так разозлился? Кажется, он в бешенстве. Можно подумать, это ему пришлось покатиться по земле с Лапелем».

— Тогда... Вы можете подняться? — спросил Честер, глубоко вздохнув, чтобы успокоить свою злость в той мере, в какой это было возможно.

«Прямо сейчас пациентка напротив меня куда важнее моих чувств».

— Хм... Нет.

Лизель направила всю силу в ноги, чтобы подняться, но вскоре сдалась. Ее мускулы были так слабы, словно обмякли и растянулись.

— Лиз... Их... ель...

Лапель все еще пытался добраться до нее с другой стороны.

— Лапель, все в порядке. Не плачь.

Лизель, лежа на земле, ласково улыбнулась ему. Ей больно было смотреть, как он горько плачет.

— У вас поранены ноги?

Честер все еще не поднимался и пристально осматривал девушку, лежащую на траве, словно проверял, есть у нее какие-либо раны или повреждения.

— Нет, я просто чувствую сейчас слабость.

— Прошу прощения.

При этих словах Честер без колебаний поднял Лизель на руки и понес.

Неожиданно для девушки земля отдалилась. Ей казалось, будто она взлетела.

— Эй? Нет, подождите! Все в порядке! Скоро я смогу встать!

После того что произошло в библиотеке, ее снова несли как принцессу.

Смущенная Лизель хотела бы выбраться из рук Честера, но, увы, до сих пор не могла пошевелить руками и ногами.

— Лохан, врача в комнату леди Веразель.

Честер взглянул на подавленную Лизель у себя на руках и пошел по поместью большими шагами.

При каждом движении он мог чувствовать свежий запах травы от Веразель.

Все потому, что платье Лизель испачкалось. Оно запачкало и одежду Честера, но его это нисколько не беспокоило.

— Ах!

Пока герцог, не обращая внимания на происходящее, нес Лизель, она чувствовала каждый взгляд, направленный на себя.

Все люди, проходившие мимо, смущенно смотрели на нее, словно не понимали, что происходит.

«Что случилось?».

Ее затопила еще бóльшая волна смущения.

Она хотела бы поднять руку, чтобы закрыть лицо, но из-за своей слабости не смогла и этого.

Лизель закрыла глаза и вздохнула.

— Ах, они, должно быть, думают, что я бесстыдница, — пробормотала она.

«Мне нужно как можно скорее попасть к себе в комнату».

— Болит?

— Нет.

Врач, явившийся почти сразу же, как герцог доставил ее в особняк, надавливал на тело Лизель то тут, то там и спрашивал, больно ли ей.

К счастью, ее ноги, кажется, были в порядке, потому что она совсем не чувствовала никакой боли. Однако как только доктор коснулся ее левой лодыжки, Лизель широко раскрыла глаза и закричала.

— Ох, здесь! Здесь так больно!

От неожиданной боли в уголках ее глаз появились слезы.

— Вы хотите сказать, здесь?

— Ох, больно.

Доктор аккуратно перевернул ее лодыжку, и Лизель от боли закусила простыню.

Казалось, будто дюжины иголок одновременно вонзились в ее тело.

Врач осмотрел лодыжку Лизель и попытался нажать на нее рукой. Каждый раз, как он это делал, Лизель вскрикивала от боли.

— Очень больно?

К ним подошел Честер, ожидавший в стороне.

Увидев, как ей больно, он неосознанно нахмурился.

— Кости не сломаны. Однако при падении она, вероятно, подвернула лодыжку, — поставил диагноз доктор.

Озвучив это, врач оставил в покое ее ногу. Лизель наконец-то задышала спокойно. Каждый раз, как врач касался этого места, ей хотелось отшвырнуть его руку от себя.

Веразель с помощью Честера добралась до комнаты и легла на кровать.

По приказу герцога Лапель оставался у него в кабинете вместе с Лоханом.

— Лучше бы вам пока не двигаться.

Врач приложил к лодыжке Лизель заранее приготовленный пакет со льдом. Ощущение холода распространилось по телу, и боль несколько уменьшилась.

— Кроме этого, она нигде не поранилась?

— Нет, все в порядке, кроме левой лодыжки. И пульс, и кровяное давление в норме.

Лизель взглянула на Честера, расспрашивавшего доктора о ее самочувствии, и обнаружила, что тот пристально смотрит на ее лодыжку.

Его глаза очень пристально разглядывали эту часть ее тела, и взгляд герцога был настолько обжигающим, что ей казалось, будто нога горит, несмотря на приложенный пакет со льдом.

— Герцог, теперь я в порядке. Вам не нужно обо мне беспокоиться.

В такой ситуации ей было весьма неуютно.

— Мне жаль, — пристально глядя на нее, извинился Честер.

— Что вы сказали?